

Дискурсивные практики в цифровой публичной сфере современной России: результаты и направления исследований*

Филатова О. Г.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; o.filatova@spbu.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена исследованию цифровых дискурсивных практик в контексте процессов, происходящих в современной российской политике. Автор делает вывод о том, что цифровая публичная сфера современной России претерпевает перемены, которые во многом предвидел Ю. Хабермас. В первой части статьи анализируются классические подходы к понятию «публичная сфера», прежде всего — подход Ю. Хабермаса, рассматриваются предлагаемые им модели функционирования публичной сферы и политической коммуникации. Во второй части статьи автор выявляет позиции исследователей по отношению к трансформациям публичной сферы, вызванным активным развитием Интернета и социальных медиа и предлагает собственную схему функционирования публичной сферы в цифровом обществе. В третьей части отдельное внимание уделяется дискурсивным практикам в цифровой публичной сфере. Приводятся результаты авторских исследований с использованием специальной методики дискурс-анализа. На основе анализа интернет-дискуссий по тематике повышения пенсионного возраста выявляются преимущества данной методики. В конце указываются дискуссионные моменты и направления дальнейших исследований в сфере цифрового публичного взаимодействия государства и граждан.

Ключевые слова: публичная сфера, делиберативная демократия, дискурс, интернет-дискуссия, дискурс-анализ, коммуникация

Для цитирования: Филатова О. Г. Дискурсивные практики в цифровой публичной сфере современной России: результаты и направления исследований // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 180–192.

Discursive Practices in the Digital Public Sphere of Modern Russia: Results and Directions of Research

Olga G. Filatova

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation); o.filatova@spbu.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the study of digital discursive practices in the context of processes occurring in modern Russian politics. The author concludes that the digital public sphere of modern Russia is changing that was foreseen by J. Habermas. In the first part of the article classical approaches to the concept of “the public sphere” are analyzed and functional models of the public sphere and political communication are examined. In the second part of the article the author reveals the position of researchers in relation to the transformations of the public sphere caused by the active development of the Internet and social media and offers his own scheme for the functioning of the public sphere in a digital society. The third part focuses on discursive practices in the digital public domain. The results of author’s research using a special discourse analysis technique are presented. The advantages of this technique are revealed being based on the analysis of online

* Работа выполнена при поддержке РНФ, проект №18-18-00360 «Электронное участие как фактор динамики политического процесса и процесса принятия государственных решений».

discussions on the topic of raising the retirement age. At the end, discussion points and directions for further research in the field of digital public interaction between the state and citizens are indicated.

Keywords: public sphere, deliberative democracy, discourse, discussion, discourse analysis communication

For citing: Filatova O. G. Discursive Practices in the Digital Public Sphere of Modern Russia: Results and Directions of Research // Administrative consulting. 2019. No. 11. P. 180–192.

Введение

В последние несколько десятилетий понятие «публичная сфера» стало настолько широко и часто используемым, что, пожалуй, найдется мало интеллектуалов, которые бы не знали, кто такой Юрген Хабермас и как его работы связаны с этим понятием. Однако, начиная с периода активного развития социальных медиа, предметом интенсивных теоретических дебатов и многочисленных эмпирических исследований становится возникновение и существование *цифровой* публичной сферы, как онлайн-эквивалента традиционной, кажущейся уже несовершенной, «старой» публичной сферы. Цифровая публичная сфера определяется в основном как сфера онлайн-общения, участие в котором открыто и свободно доступно для всех, кто заинтересован в обсуждении вопросов, представляющих общий интерес. Современные исследования показывают, что отличительной особенностью цифровой публичной сферы является видимость результатов обсуждения или совместной работы для всех акторов сети [6, с. 60] и что, по крайней мере иногда, они влияют на процесс принятия решений другими людьми. В ряду таких исследований стоят и проведенные нами исследования, указанные в данной статье.

В первой части статьи мы коснемся классического понимания традиционной «старой» публичной сферы, во второй части — рассмотрим, какие изменения привнесла цифровая эпоха в понимание публичной сферы, а в третьей — попытаемся выявить дискурсивные практики цифровой публичной сферы в контексте современной российской политики и указать возможные направления дальнейших исследований.

«Классическое» понимание публичной сферы

Появление цифровой публичной сферы привлекло большое внимание исследователей в последние годы, потому что она была концептуализирована как дополнение или даже замена ранее существующей, «старой» концепции публичной сферы как важнейшего элемента современной демократии [26].

Концепт публичной сферы политической жизни принято рассматривать в контексте делиберативной теории, то есть как продолжение греческого идеала Агоры, городских залов заседаний колониальной эпохи в стиле Новой Англии, культуры парижских кафе или дискуссий в венском салоне прошлых веков. С этой точки зрения публичная сфера рассматривается как коммуникативное пространство, в котором заинтересованные стороны обсуждают вопросы, представляющие общий интерес таким образом, чтобы это соответствовало ряду амбициозных нормативных критериев. Эти критерии перечислены в ряде работ [см: 19; 26]:

- утверждения должны быть подкреплены соответствующими аргументами, достоверность которых может быть проверена другими;
- лучшие аргументы должны преобладать;
- участники должны попытаться понять аргументы других и попытаться увидеть ситуацию с их точки зрения;
- все должны быть честными и открытыми, прилагая искренние усилия, чтобы прийти к совместному выводу;

- все заинтересованные стороны должны быть допущены к участию, и должна присутствовать возможность обсудить все виды вопросов.

Юрген Хабермас утверждал, что эти амбициозные требования не выполняются в современных обществах, главным образом из-за «структурной трансформации публичной сферы» [22], в ходе которой средства массовой информации стали основным, но недостаточным форумом публичной делиберации. По словам Хабермаса, способы выбора и представления вопросов в СМИ смещены под воздействием экономических факторов и политических предпочтений. В результате средства массовой информации, в частности, серьезная пресса, будучи «спинным хребтом политической публичности» [10, с. 105], рассматриваются как важный форум, который дает преимущество влиятельным и институционализированным субъектам, исключая при этом более мелкие институты и гражданское общество, что подрывает публичную сферу.

Концепция публичной сферы в работах Ю. Хабермаса развивается от исторически-обусловленного «статуса публичного» до внеисторичной по своей природе посреднической системы демократической делиберации в рамках демократической политической системы (такую трансформацию, в частности, наглядно демонстрирует в своей работе С. Бодрунова [2]. В итоге Ю. Хабермас определил политическую публичную сферу как «промежуточную систему коммуникаций между, с одной стороны, формально организованными консультациями и переговорами в центре, а с другой — мероприятиями и неформальными разговорами на относящихся к гражданскому обществу обочинах политической системы» (рис. 1). Из этого «коммуникативного круговорота между центром и периферией должны возникать отрефлексируемые общественные мнения — как собственные продукты публичной сферы» [10, с. 133]. Таким образом, «публичная коммуникация проявляет силу, стимулирующую и в то же время ориентирующую граждан для формирования

Модус коммуникации	Арена политической коммуникации	
Институционализированные дискурсы и переговоры	Правительство, администрация, парламенты, суды и т. д. Политическая система (1) Государственные институты	
Опирающаяся на массмедиа массовая коммуникация в разбросанных публичных сферах	<div style="display: flex; justify-content: space-between; align-items: center;"> <div style="text-align: center;"> <p>Обнародованные мнения</p> <p>↓</p> <p>Публика</p> </div> <div style="text-align: center;"> <p>Медиа-системы</p> <p>↑</p> <p>Результаты опросов общественного мнения</p> </div> <div style="border: 1px solid black; padding: 5px;"> <ul style="list-style-type: none"> • Политики • Лоббисты • Акторы гражданского общества </div> </div> (2) Политическая публичность	
Коммуникация между адресатами	Организованные и неформальные отношения, социальные сети и движения Гражданское общество	

Рис 1. Арены политической коммуникации
Fig. 1. Political communication arenas

Источник: [10, с. 133].

общественного мнения и волеизъявления, одновременно принуждая политическую систему к прозрачности и приспособлению [10, с. 109].

По мнению ученого, общественное мнение трудно «охватить эмпирически». Оно формируется «благодаря интуитивному преодолению воспринимаемых различий между опубликованными мнениями, в значительной степени определяемыми качественной прессой, с одной стороны, и распределениями мнений, полученными в репрезентативных опросах и отраженными в данных опросов — с другой. Поэтому они представляют собой трудно рассчитываемые равнодействующие между усилиями формирующих мнения элит и более или менее осознанными реакциями широкой и разнообразной массовой публики (рис. 2)

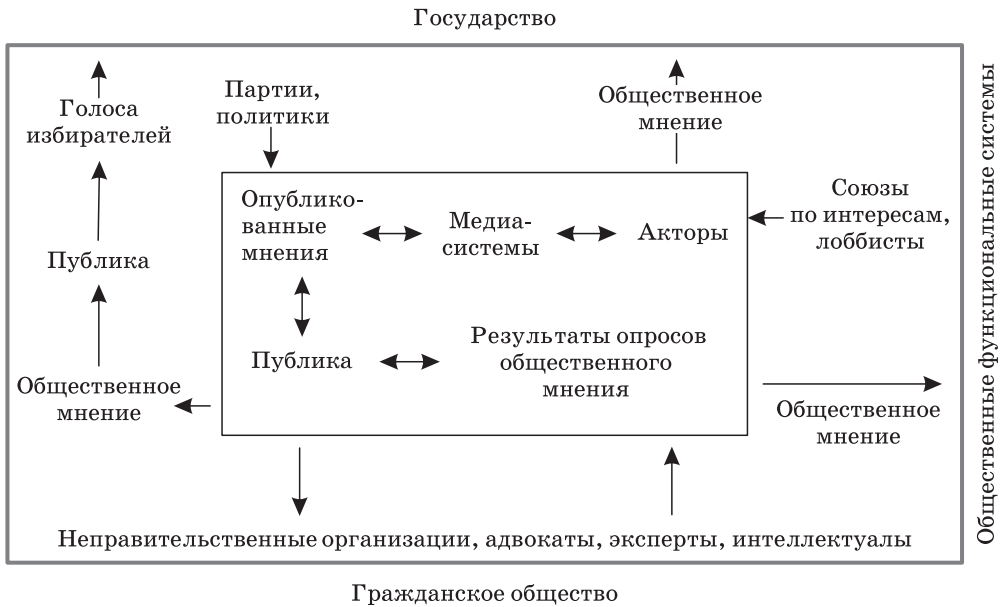

Рис. 2. Публичная сфера: что на входе и что на выходе
Fig. 2. Public sphere: what is at the entrance and what is at the exit?

Источник: [10, с. 138].

Исследования в области цифровой публичной сферы

Появление онлайн-СМИ в ряде научных работ трактуется как вторая структурная трансформация публичной сферы. Первые такие работы, которые внушали большие надежды и опасения относительно развития публичной сферы в интернете и ее влияния на общество, появились еще в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Профессор М. Шафер обоснованно выделяет среди исследователей цифровой публичной сферы «кибероптимистов» и «киберпессимистов» [26]. Позиции «кибероптимистов», «утопистов» [23, с. 9] или «чистых энтузиастов» [18, с. 70] подчеркивали потенциальные преимущества цифровой публичной сферы, указывая, во-первых, на относительно открытый, простой и быстрый доступ к информации, который предоставляют онлайн-СМИ, во-вторых, подчеркивая, что онлайн-СМИ позволяют большему количеству людей высказывать свое мнение в обществе [15], в-третьих, утверждая, что онлайн-СМИ могут помочь создать новые виды коммуникации (например, Wiki рассматриваются как посредники в новом, децентрализованном, сетевом производстве коммуникаций и контента) [14].

Эти оптимистические взгляды были противопоставлены киберпессимистическим взглядам, которые с самого начала указывали на ряд потенциальных проблем, связанных с цифровыми публичными сферами. Во-первых, они указали на многочисленные формы цифрового неравенства, во-вторых, киберпессимисты утверждали, что даже среди тех, кто принимает участие в онлайн-дебатах, существует опасность фрагментации на небольшие сообщества единомышленников (например, [21]). Развитие социальных сетей позволило пользователям самим решать, кому следовать или какой контент получать, и, соответственно, отфильтровывать мнения, которые им кажутся чужими. Предполагалось, что это приведет к эффекту «эхо-камеры», при котором определенные взгляды не оспариваются, а скорее отражаются и, следовательно, укрепляются в онлайн-сообществах [27; 28]. К тому же, по мнению М. Шафера, киберпессимистов также беспокоит вопрос о том, какие темы будут обсуждаться в онлайн-СМИ. Они настороженно относятся к политическим и особенно экономическим влияниям в этом отношении - лейтмотиву, уже широко представленному в работах Ю. Хабермаса [26].

Тем не менее, следует отметить, что влияние цифровых публичных сфер на общество и политику все еще остается в значительной степени неизученным и может быть довольно незначительным. На наш взгляд, большей эвристической ценностью обладают исследования, которые показывают, что «именно баланс между утопическими и антиутопическими взглядами раскрывает истинную природу интернета как публичной сферы» [12, с. 21].

Очевидно, что с развитием Интернета и, прежде всего, социальных медиа, количество участников коммуникации, чьи акты в рамках медиа, культуры, образования могут быть обнаружены в пространстве публичности, увеличилось во много раз, просто в силу количественного расширения как каналов коммуникации, так и числа ее участников¹. Изучив достаточное количество литературы, можно сделать осторожный вывод о том, что «онлайн-публичные сферы в большой степени содействуют процессу трансляции общественного мнения в политические решения» [13; 16]. С учетом сказанного мы позволили себе внести небольшие корректировки в схему Ю. Хабермаса (рис. 2). Новая схема (рис. 3) демонстрирует основные изменения, происходящие в публичной сфере под воздействием новых информационных технологий и в связи с появлением новых акторов (блогеров, гражданских журналистов): она становится значительно больше и влиятельнее. Разумеется, речь идет о той же идеальной модели делиберативной демократии, как ее понимал Хабермас, где важную роль играют дискурсивные практики.

К настоящему времени исследователи цифровой публичной сферы проанализировали, является ли участие в интернет-дискуссиях открытым и видимым для всех, как организовано общение с точки зрения содержания и стиля, и как такие дискуссии влияют на участников, а также на лиц, принимающих решения [26]. Как пишет С. Коулман, «некоторые комментаторы не находят в политических дискуссиях в Интернете ничего, кроме праздной болтовни», другие полагают, что онлайн-коммуникации обладают чертами, способными улучшить качество публичной дискуссии [3, с. 76]. По мнению британского профессора, «даже когда онлайн-дискуссии импровизируются, неформальны и не поддерживаются какой-либо делиберативной структурой, поведение участников часто намного ближе к делиберативным нормам, чем можно было бы ожидать» [3, с. 78]. Коулман считает, что частные беседы могут содержать политическое начало, так как людям зачастую проще повлиять на равных себе собеседников (горизонтальное взаимодействие), чем на представителей государства (вертикальное взаимодействие).

¹ Гатов В. Публичная сфера [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. 2014. 17 февраля. URL: http://www.chaskor.ru/article/publichnaya_sfera_35122

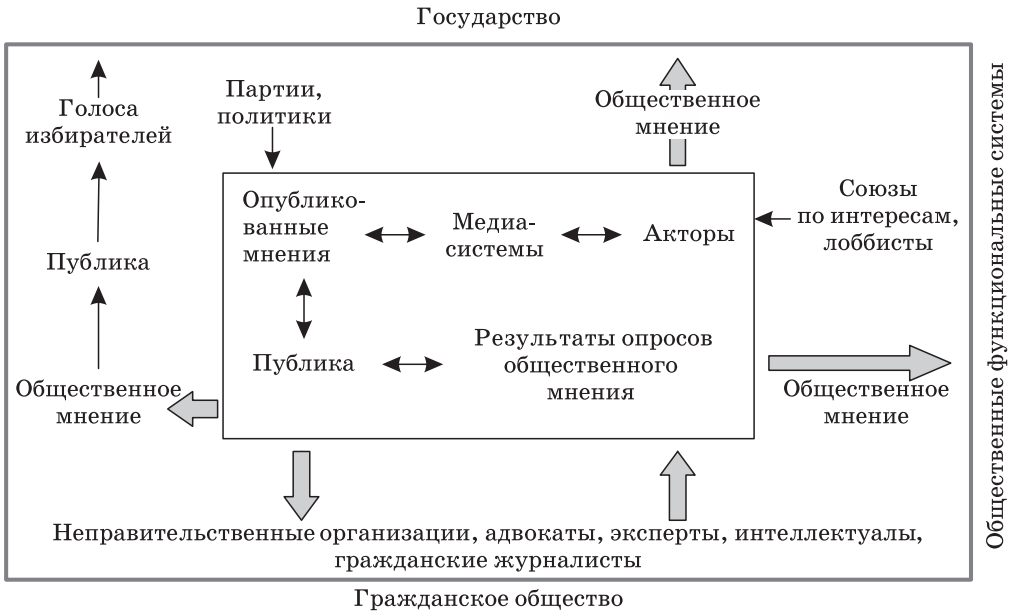

Рис. 3. Цифровая публичная сфера
Fig. 3. Digital public sphere

Подтверждаются ли такие выводы эмпирическими исследованиями в России? Чтобы ответить на этот вопрос, представим далее проведенное нами исследование публичных интернет-дискуссий в контексте современной ситуации в России.

Результаты исследования российского интернет-дискурса: кейс закона о пенсионной реформе

По мнению Хабермаса, имеются существенные различия между конкурирующими в обществе общественными мнениями и обнародованными данными относительно их распределения с точки зрения демоскопии. «Общественные мнения, возникающие благодаря дискуссии и полемике, при всех разногласиях фильтруются с помощью соответствующей информации и соответствующих обоснований, тогда как демоскопия до известной степени лишь „проводит переключку“ латентных мнений в их „сыром“ и неподвижном состоянии» [10, с. 109]. Подобной точки зрения придерживается и классик теории и практики связей с общественностью Эдвард Бернейз. В своей, очень известной во всем мире, но только недавно переведенной на русский язык, книге он пишет: «Опросы мнений зачастую „убаюкивают“ государственных деятелей и бизнесменов, создавая иллюзию, что им не грозит неодобрение публики. Это происходит, когда количественные результаты поддерживают их точку зрения. Однако они не рассматривают общественное мнение как феномен, меняющийся без предупреждения, и упускают из виду такую возможность. Они не считают пассивные или скрытые точки зрения важными. Подобное отношение может привести к взрыву позже, когда мнение меньшинства будет озвучено, станет активным и действенным и внезапно войдет в конфликт с мнением большинства. Поэтому при принятии решения в интересах всего общества важна дискуссия» [1, с. 345].

Учитывая указанные точки зрения, мы провели разведывательное исследование, в котором попытались сравнить результаты опроса общественного мнения

и дискурс-анализа интернет-дискуссий на общественно значимую тематику. Для исследования были отобраны интернет-дискуссии, связанные с обсуждением закона о повышении пенсионного возраста на наиболее популярных интернет-площадках 11 разных по численности населения городов России. Результаты дискурс-анализа сравнивались с результатами социологического опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение» 26–27 мая 2018 г. в 53 субъектах РФ (1500 респондентов) [7]. При изучении дискуссий на интернет-площадках использовалась методика дискурс-анализа, разработанная Ю.Г. Мисниковым в его PhD-диссертации [23] и подробно описанная в наших предыдущих статьях и выступлениях на международных конференциях [17; 20; 24]. Полученные на них отклики позволяют с достаточной уверенностью утверждать, что использованная методика, основанная на разработанном автором т.н. «делиберативном стандарте» (*deliberative standard to assess discourse quality*) и концепции Хабермаса, подтвердила свою эффективность как аналитическое средство для оценки качества делиберативности онлайн-дискуссий.

Для исследования дискуссий по пенсионной реформе были отобраны интернет-форумы разных по размеру российских городов, это Санкт-Петербург и Волгоград (крупнейшие), Калининград и Севастополь (крупные), Братск и Нальчик (большие), Белореченск и Ногинск (средние), Снежинск и Урюпинск (малые), а также дополнительно была рассмотрена Москва. Всего было проанализировано 5193 поста, размещенных 495 участниками. В целом по результатам дискурс-анализа всех 11 форумов 91,125% высказываются «против» повышения пенсионного возраста и 8,875% — «за»¹. В указанном выше социологическом опросе ФОМ общее число людей, относящихся отрицательно к идее повышения пенсионного возраста, составляет 92,35% (рис. 4). То есть показатели, хотя и незначительно, но отличаются. Кроме того, общий процент негатива чрезвычайно различен, когда он касается выделения мнений по типам городов (см. рис. 5). Результаты, описывающие негативное отношение, являются более низкими, чем результаты социологического опроса. Хотя есть исключение: представители малых городов более негативно относятся к реформе, если сравнивать с опросом (рис. 5).

На наш взгляд, несколько меньшая доля противников реформы указывает на наличие противоположных или нейтральных мнений, высказанных в ходе дискуссий, где представлены разные точки зрения, влияющие, так или иначе, на позиции их участников. Это является важным отличием от методики изучения общественного мнения через социологические опросы (где ответы респондентов не зависят друг от друга).

Итак, данное исследование позволило сделать следующий вывод: мнения, зафиксированные вне рамок интернет-пространства, в целом совпадают с мнениями, полученными из обсуждений на интернет-платформах, однако анализ онлайн-дискурса показывает неоднозначность мнений, которые высказывались людьми по такой злободневной теме, как повышение пенсионного возраста в России. В ходе анализа дискуссий выявляются противоположные или нейтральные мнения, самые разные точки зрения, влияющие так или иначе на позиции их участников. Исследования в данном направлении необходимо продолжать. Тематика пенсионной реформы — это только один из возможных примеров исследования. Для исследования общественно-политического дискурса важна тема, где мнения не только поляризуются на две группы, но и где возникает множество таких групп, что позволяет выявлять в текстах дискуссий утверждения, которые могут быть поддержаны или оспорены.

¹ Автор благодарит за участие в проведении исследования студента СПбГУ Даниила Волковского.

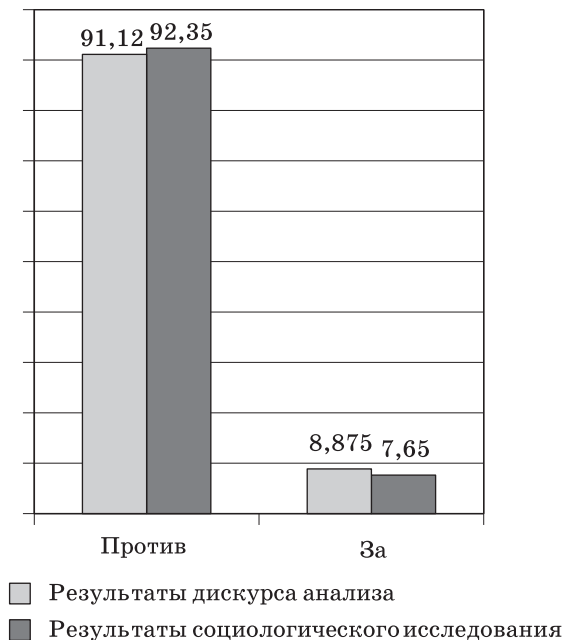

Рис. 4. Сравнение итогов опроса и дискурс-анализа
 Fig. 4. Comparison of survey results and discourse analysis

В ходе исследования также были выделены несколько важных аспектов обсуждений, позволяющих раскрыть характер дискуссии и позиции граждан, выражаемые в процессе делиберации: аргументация, рациональность, интерактивность, диалогичность, активность участников и т. д.

К сожалению, на настоящий момент, мы вынуждены констатировать, что цифровая публичная сфера современной России более точно соответствует требованиям конструктивистской теории, чем требованиям делиберативной теории, основанной на участии. Приходится согласиться с уже полученными ранее выводами других исследований о том, что «даже если политические дискуссии в Интернете более тонкие и гражданские, чем дискуссии по другим вопросам», они, как правило, далеки от рационального гражданского обсуждения, о котором говорил Хабермас. Участники часто отвлекаются от основной темы обсуждения, используют неуважительные и даже оскорбительные формулировки и нападения *ad hominem*, делают заявления, не подкрепленные аргументами, или полностью воздерживаются от рациональной аргументации, и используют свое социальное положение в данной интернет-платформе для делегитимизации противоположных взглядов.

Безусловно, проведенные исследования позволяют лишь в ограниченной степени судить о применимости делиберативного проекта исследования для сложного процесса политической коммуникации в современном цифровом пространстве. Следует учитывать, что исследуется все же не структурированная и целенаправленная дискуссия о проблеме, а всего лишь политически ориентированный разговор — *every day political talk*. Образно говоря, как разговор на кухне, поэтому вполне естественно, например, что люди отклоняются от темы. Возможно, многое ещё зависит и от тематики дискуссии, от того, насколько тема задевает людей и, соответственно, будет ли это моральным дискурсом, или это будет более прагматическая дискуссия, где большую роль играют технические аспекты, а люди не всегда хотят вникать в них.

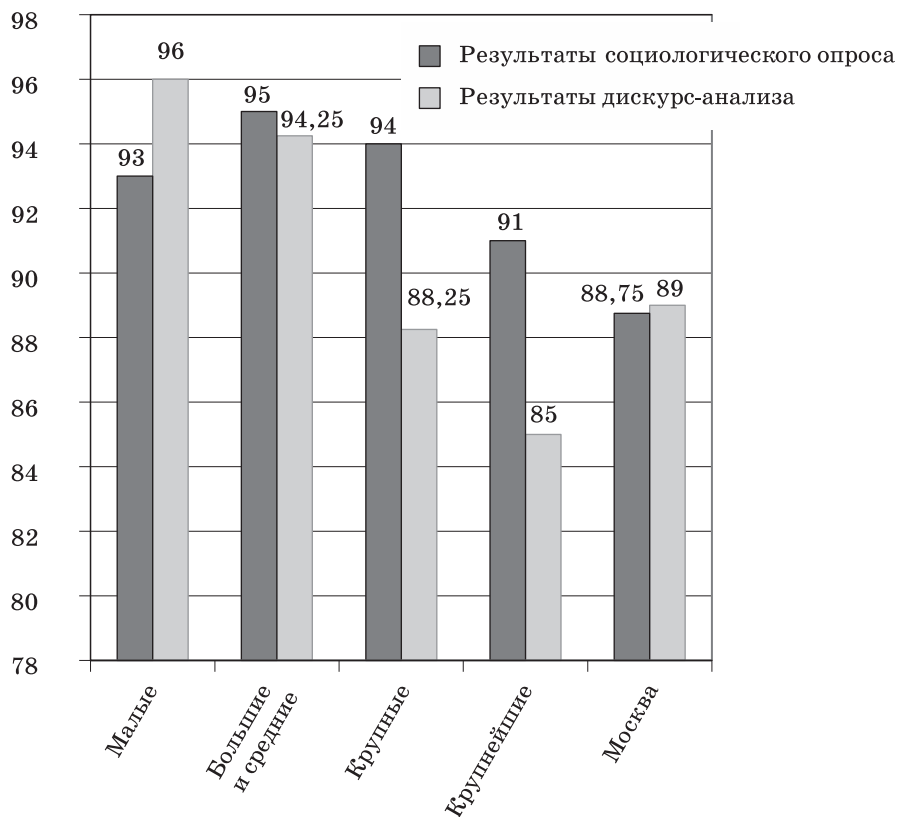

Рис. 5. Сравнение итогов социологического опроса и дискурс-анализа по типам городов (позиция «против», в процентах)

Fig. 5. Comparison of the results of the sociological survey and discourse analysis by city type (position “against,” in percentage)

Здесь содержательная интерактивность будет невысокая и это важно с научной точки зрения. Отметим, что мы столкнулись еще с некоторыми методологическими трудностями при анализе онлайн-дискуссий: например, эффект, оказываемый на результаты политики дискуссиями, контролируруемыми государством, можно оценить, в то время как влияние неформального дискурса на политические изменения установить сложно. Нерешенными пока остаются вопросы, связанные и с репрезентативностью результатов онлайн-обсуждений, и с идентификацией истинности утверждений (выявлением ботов, например).

Тем не менее, не вызывает сомнения само преимущество методики дискурс-анализа по сравнению, например, с традиционным опросом, которая заключается, прежде всего, в возможности выявить аргументацию согласия или несогласия по конкретному вопросу, что важно в дальнейшем при принятии политических решений.

Дискуссия и перспективы дальнейших исследований

Совершенно очевидно, что качество и эффективность коммуникации между людьми, их объединениями, группами и институтами влияет на функционирование публичной сферы. Очевидно также, что появление новых способов коммуникации по

определению расширяет возможности организации широких публичных обсуждений [12]. Публичная сфера дискурсивна. Публичное измерение постоянно расширяющихся цифровых пространств коммуникации — дискурсивно тем более. Однако можно ли сейчас с уверенностью заявлять, что формирование новых, виртуальных (цифровых, электронных) публичных сфер, которые обеспечивают условия для «идеальной речевой ситуации» [12], содействует вовлечению граждан в процесс принятия политических решений и является фактором динамики политического процесса? Проанализированные нами данные пока не дают однозначного ответа на этот вопрос. Особенно неоднозначными представляются выводы, обещания и прогнозы, касающиеся цифровой публичной сферы современной России. Могут ли и каким образом современные россияне становиться активными участниками общественно-политических процессов? [7, с. 7] Проблема публичной сферы как рационально-критической дискурсивной формации в современной России стоит достаточно остро [4; 7; 9]. Мы склонны согласиться с мнением российского медианалитика В. Гатова о том, что сегодня происходит активное смещение публичной российской сферы в сторону социальных сетей — и как места формирования смыслов, и как площадки для обсуждения, и как некоего «заместителя реальности», что является реакцией публичной сферы на доминантность государства в традиционных каналах коммуникации¹. Цифровая публичная сфера в современных условиях становится «текучей», она «выползает» из-под созданной системы реагирования на вызовы и становится похожей на «лоскутное одеяло» разных акторов и смыслов.

Тем не менее, в современной России появляются новые гражданские инициативы и развиваются существовавшие ранее общественные движения — их рост заметен в разных регионах России. По мнению специалистов, некоторые — уже приобрели широкий размах и получили легальное организационное оформление, другие представляют собой распространенные, но нелегальные формы протеста [7]. Как должна реагировать власть на эти вызовы гражданского общества? Как формируются в новой публичной сфере процессы гражданского участия? Во многом ответы на эти вопросы дают исследования и публикации в рамках проекта «Электронное участие как фактор динамики политического процесса и процесса принятия государственных решений»². Однако ряд вопросов еще требует научного осмысления. Ведь академическая дискуссия по проблемам гражданского участия в контексте информационного общества располагается между двумя полюсами, между мнениями двух групп авторов, условно между «кибероптимистами» и «киберпессимистами». Существуют доказательства как правоты тех, кто говорит о растущей деполитизации в обществе, так и тех, кто указывает признаки активизации участия граждан в цифровой публичной сфере. Одновременно есть много научных и практических примеров активизации государства в процессах взаимодействия с гражданами в цифровом пространстве.

Но здесь тоже возникают проблемы. Например, одним из проблемных мест в развитии электронного взаимодействия власти и общества в России (а, возможно, и не только в России — это еще требует дополнительного изучения) является то, что власти охотно организуют порталы и площадки обработки «жалоб» граждан, но совсем неохотно — ресурсы, обеспечивающие аккумуляцию инициатив и предложений, идущих снизу, т. е. непосредственно от граждан. Можно предложить для дальнейшего обсуждения две причины этого: а) менталитет власти, основанный на традиционных механизмах представительной демократии (власть ориентируется на мнение

¹ Гатов В. Публичная сфера [Электронный ресурс] // Частный корреспондент. 2014. 17 февраля. URL: http://www.chaskor.ru/article/publichnaya_sfera_35122

² Проект РНФ №18-18-00360.

«представителей» граждан и т. п.); б) опасение сильного влияния со стороны заинтересованных сторон (как бизнеса, так и политиков или оппозиционных политиков) через манипуляции, интернет-троллей и прочее. Соответственно, важной научной задачей, которая в дальнейшем может помочь развитию методов и технологий электронного участия, становится исследование механизмов фейк-ньюз и методов фильтрации ненадежных с точки зрения достоверности содержания сообщений.

Сейчас, в эпоху постправды, когда стираются границы между правдой и неправдой, необходимо обратить внимание на тот факт, что в онлайн-коммуникациях преобладают эмоции, а эмоциями, в отсутствие аргументации (как об этом писал Хабермас) гораздо проще манипулировать [12, с. 171]. Поэтому так важно обращать внимание на набирающий силу популизм в политике, являющийся серьезной угрозой для демократии. Исследования популизма могут оказаться полезными для понимания того, какие слои населения недостаточно представлены в политическом контексте, каковы в целом критерии принадлежности в политике и почему необходимо поддерживать плюрализм в обществе [5, с. 133].

И, конечно же, необходимо дать более убедительные ответы на многочисленные вопросы о том, как выглядит демократия и демократическая делиберация, отвечающая требованиям цифровой эпохи. Для этого требуется совершенствование методики исследования, в первую очередь связанной с анализом интернет-дискурса.

Заключение

В заключение мы можем констатировать, что цифровая публичная сфера современной России претерпевает перемены, которые во многом предвидел Хабермас. Интернет активно развивается во всех сферах жизни, «простые граждане «эффективно и творчески взаимодействуют друг с другом онлайн» [3, с. 20].

Однако исследования показывают, что, хотя цифровые публичные сферы демонстрируют целый ряд коммуникативных стилей, они далеко не всегда соответствуют идеям рациональности и вежливости, как это отстаивается в дискурсивной теории Хабермаса. К тому же нам пока не удалось обнаружить четкие эмпирические подтверждения того факта, что интернет-дискуссии в России представляют собой важную форму гражданского участия в политике и органы власти учитывают результаты таких дискуссий в процессе принятия политических решений.

Тем не менее, несмотря на неоднозначность обещаний цифровой публичной сферы России, можно утверждать, что в российском сегменте Интернета существуют коммуникативные площадки, форумы, вызывающие публичные дебаты, которые, по крайней мере, время от времени, влияют на другие форумы и способствуют нахождению коллективных решений. Однако этот вывод нуждается в дальнейшем обосновании и выявлении условий, при которых такие цифровые публичные коммуникации должны развиваться.

Литература

1. Бернейз Э. Связи с общественностью. М. : ВШЭ, 2019.
2. Бодрунова С. С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Т. 14, № 1. С. 110–132.
3. Коулман С. Может ли Интернет укрепить демократию? / Науч. ред. Ю. Г. Мисников, А. В. Чугунов. СПб. : Алетей, 2018.
4. Малинова О. Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза. 2010. № 1. С. 5–28.
5. Мюллер Я.-В. Что такое популизм? М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018.
6. Неверов К. А. Публичная сфера социальных медиа: проблема определения стратегий сетевых акторов // Социальные и гуманитарные знания. 2018. Т. 4, № 2. С. 66–70.

7. *О пенсионном возрасте и отношении к идее его повысить* [Электронный ресурс] // Портал ФОМ. 2018. URL: <https://fom.ru/posts/14043> (дата обращения: 15.10.2019).
8. *Публичная сфера: теория, методология, кейс стади* : коллективная монография / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : ООО «Вариант» : ЦСПГИ, 2013.
9. *Семенов А. В.* Переосмысливая гражданское общество: нормативная концепция публичной сферы Ю. Хабермаса // Социум и власть. 2009. № 4. С. 9–13.
10. *Хабермас Ю.* Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. М. : Весь мир, 2012.
11. *Чугров С. В.* Формирование и эволюция публичности (о книге Ю. Хабермаса) // Социологические исследования. 2017. № 12. С. 168–172.
12. *WWW как политическая публичная сфера* // Постсоветская публичность: Беларусь, Украина. Сборник научных трудов / под ред. М. Соколовой, В. Фурса. Вильнюс : ЕГУ, 2008.
13. *Becker B., Wehner J.* Electronic Media and Civil Society // *Ess, Ch., (ed.) Towards an Intercultural Global Village.* New York, 2001.
14. *Benkler Y.* The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven : Yale University Press, 2006.
15. *Bennett W. L., Segerberg A.* The Logic of Connective Action. Information // *Communication & Society.* 2012. Vol. 15 (5). P. 739–768. doi:10.1080/1369118X.2012.670661
16. *Bimber B.* The Internet and Political Transformation: Populism, Community and Accelerated Populism // *Polity.* 1998. № 1. P. 133–160.
17. *Chugunov A., Filatova O., Misnikov Yu.* Online Discourse as a Microdemocracy Tool: Towards New Discursive Epistemics for Policy Deliberation // *ACM International Conference Proceeding Series. ICEGOV 2016; Montevideo; Uruguay, 2016.* P. 40–49.
18. *Dahlberg L.* Cyberspace and the Public Sphere: Exploring the Democratic Potential of the Net. Convergence // *The International Journal of Research into New Media Technologies.* 1998. Vol. 4 (1). P. 70–84. doi:10.1177/135485659800400108
19. *Dahlberg L.* Net-public Sphere Research: Beyond the “First Phase” // *Javnost-the Public.* 2004. Vol. 11 (1).
20. *Filatova O., Misnikov Yu., Kabanov Yu.* Public Deliberation in Russia: Deliberative Quality, Rationality an Interactivity of the Online Media Discussions // *Media and Communication.* 2019. Vol. 7, Iss. 3 (Internet Science: Detecting Social Problems via Online Content). P. 133–144. DOI:10.17645/mac.v7i3.1925.
21. *Gerhards J., Schäfer M.* Is the Internet a Better Public Sphere? Comparing old and new media in Germany and the US // *New Media and Society.* 2010. Vol. 4 (1). P. 143–160.
22. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society. Cambridge : Polity, 1989.
23. *Misnikov Y.* Public Activism Online in Russia: Citizens’ Participation in Webbased Interactive Political Debate in the Context of Civil Society. Development and Transition to Democracy: PhD thesis. Leeds, 2011.
24. *Misnikov Y., Filatova O., Chugunov A.* Converting the outcomes of citizens discourses in the cyberspace into policy inputs for more democratic and effective government // *Beyond Bureaucracy: Towards Sustainable Governance Informatisation.* Springer, 2017. P. 259–287.
25. *Papacharissi Z.* The virtual sphere: the internet as a public sphere // *New Media and Society.* 2002. Vol. 4 (1). P. 9–27.
26. *Schäfer M.* Digital public sphere // *The International Encyclopedia of Political Communication / Mazzoleni, Gianpietro et al. (Eds.).* London : Wiley Blackwell. 2015. P. 322–328.
27. *Sunstein C.* Republic 2.0.C. Princeton & London : Princeton University Press, 2009.
28. *Sunstein C.* Republic.com. Princeton & London : Princeton University Press, 2001.

Об авторе:

Филатова Ольга Георгиевна, доцент кафедры связей с общественностью в политике и государственном управлении Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат философских наук, доцент; o.filatova@spbu.ru

References

1. Bernays E. *Public Relations.* М. : HSE, 2019. (In rus)
2. Bodrunova S.S. Concepts of the public sphere and media theory: the search for common ground // *Journal of Sociology and Social Anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii].* 2011. Vol. 14. No. 1. P. 110–132. (In rus)

3. Coleman S. Can the Internet Strengthen Democracy? / Scientific. ed. Yu. G. Misnikov A. V. Chugunov. St. Petersburg : Aletheia, 2018.
4. Malinova O.Yu. The construction of a macro-political identity in post-Soviet Russia: a symbolic policy in a transforming public sphere // Political Expertise [Politicheskaya ekspertiza]. 2010. No. 1. P. 5–28. (In rus)
5. Muller J.-V. What is populism? M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2018.
6. Neverov K.A. The public sphere of social media: the problem of determining the strategies of network actors // Social and Humanitarian Knowledge [Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya]. 2018. Vol. 4, No. 2. P. 66–70. (In rus)
7. On the retirement age and attitude towards the idea of raising it [Electronic resource] // Portal FOM. 2018. URL: <https://fom.ru/posts/14043> (Date accessed 10/15/2019) (In rus)
8. Public sphere: theory, methodology, case study : monograph / Ed. by E. R. Yarskaya-Smirnova, P.V. Romanov. M. : Option LLC : TsSPGI, 2013. (In rus)
9. Semenov A.V. Rethinking Civil Society: The Normative Concept of the Public Sphere of J. Habermas // Society and Power [Sotsium i vlast']. 2009. No. 4. P. 9–13. (In rus)
10. Habermas J. Ah, Europe. Small political writings. M. : The whole world, 2012.
11. Chugrov S.V. The formation and evolution of publicity (about the book by J. Habermas) // Sociological researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]. 2017. No. 12. P. 168–172. (In rus)
12. WWW as a Political Public Sphere // Post-Soviet Publicity: Belarus, Ukraine. Collection of scientific papers / ed. by M. Sokolova, V. Furs. Vilnius : YSU, 2008. (In rus)
13. Becker B., Wehner J. Electronic Media and Civil Society // Ess, Ch., (ed.) Towards an Intercultural Global Village. New York, 2001.
14. Benkler Y. The Wealth of Networks: How Social Production Transforms Markets and Freedom. New Haven : Yale University Press, 2006.
15. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action. Information // Communication & Society. 2012. Vol. 15 (5). P. 739–768. doi:10.1080/1369118X.2012.670661
16. Bimber B. The Internet and Political Transformation: Populism, Community and Accelerated Populism // Polity. 1998. №. 1. P. 133–160.
17. Chugunov A., Filatova O., Misnikov Yu. Online Discourse as a Microdemocracy Tool: Towards New Discursive Epistemics for Policy Deliberation // ACM International Conference Proceeding Series. ICEGOV 2016; Montevideo; Uruguay, 2016. P. 40–49.
18. Dahlberg L. Cyberspace and the Public Sphere: Exploring the Democratic Potential of the Net. Convergence // The International Journal of Research into New Media Technologies. 1998. Vol. 4 (1). P. 70–84. doi:10.1177/135485659800400108
19. Dahlberg L. Net-public Sphere Research: Beyond the “First Phase” // Javnost-the Public. 2004. Vol. 11 (1).
20. Filatova O., Misnikov Yu., Kabanov Yu. Public Deliberation in Russia: Deliberative Quality, Rationality an Interactivity of the Online Media Discussions // Media and Communication. 2019. Vol. 7, Iss. 3 (Internet Science: Detecting Social Problems via Online Content). P. 133–144. DOI:10.17645/mac.v7i3.1925.
21. Gerhards J., Schäfer M. Is the Internet a Better Public Sphere? Comparing old and new media in Germany and the US // New Media and Society. 2010. Vol. 4 (1). P. 143–160.
22. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a category of Bourgeois Society. Cambridge : Polity, 1989.
23. Misnikov Y. Public Activism Online in Russia: Citizens' Participation in Webbased Interactive Political Debate in the Context of Civil Society. Development and Transition to Democracy: PhD thesis. Leeds, 2011.
24. Misnikov Y., Filatova O., Chugunov A. Converting the outcomes of citizens discourses in the cyberspace into policy inputs for more democratic and effective government // Beyond Bureaucracy: Towards Sustainable Governance Informatisation. Springer, 2017. P. 259–287.
25. Papacharissi Z. The virtual sphere: the internet as a public sphere // New Media and Society. 2002. Vol. 4 (1). P. 9–27.
26. Schäfer M. Digital public sphere // The International Encyclopedia of Political Communication / Mazzoleni, Gianpietro et al. (Eds.). London : Wiley Blackwell. 2015. P. 322–328.
27. Sunstein C. Republic 2.0.C. Princeton & London : Princeton University Press, 2009.
28. Sunstein C. Republic.com. Princeton & London : Princeton University Press, 2001.

About the author:

Olga G. Filatova, Associate Professor of the Chair of Public Relations in Policy and Public Administration of Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in philosophy, Associate professor; o.filatova@spbu.ru